

УДК 316.34**В.А.Давыдов**

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ЭЛИТА: ОСНОВНЫЕ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ

Как известно, разделение обществ на элиты и массы: людей, занимающих лидирующие позиции в каких-либо областях жизнедеятельности посредством их организаций и модернизации и людей, выполняющих там стандартные и рутинные операции - издревле и постоянно. При большой дискуссионности тем о функциях и эффективности элит, бесспорно, однако, их пастырство - то или иное общество пойдет туда, куда его поведут и сколько бы мы не говорили о "народе, который заслуживает свое правительство", особая ответственность всегда лежала, и будет лежать на элитах. Ведут же они свои народы по мировоззренческим дорогам, вымощенными соответствующими концептами, вырабатываемыми кастой своих идеологических жрецов. Господствующие мысли есть мысли господствующих индивидов - подобная мысль К. Маркса актуальна в любые времена. В чем же качественное отличие этих мыслей от стихийно-массовых, возникающих в головах обывателей? В том, что здесь искусно сочетается "объективность" как толика действительной жизненной правды и "субъективность" или некий существенный корпоративный интерес, подаваемый в качестве "общенационального". Современная Россия отсчитывает вот уже 16 год своей новой истории. Похоже, это, в самом деле, еще подростковый, переходный возраст в ее политическом и идеологическом развитии: многие структуры, в том числе и элиты – в стадии трансформации, поиска новых самоидентификаций. Элиты существуют, как известно, в самых разных областях общественной жизни, однако их значимые объединения имеют под собой мировоззренческую основу – другими словами, политические консолидации элит происходят именно по мировоззренческим, можно сказать "философским" основаниям. В том, вероятно, и важнейшая роль социальных мировоззрений и их концептуализаций: политических стратегий, платформ и теорий. И в России мы можем увидеть явления подобных идеологических и концептуальных консолидаций. Их исследование крайне важно как для определения перспектив нашего развития, так и для качественной оценки "исполнителей" - тех или иных групп российских элит. Задачи настоящей статьи и заключаются в выявлении основных идеологических консолидаций и в анализе их возможных перспектив в успешной модернизации России и возвращении ею своей имманентной державности.

Полагаем, что в настоящее время в современной России явственны три группы элит, которые

имеют более или менее внятные системы представлений о социальном мире, отчетливые идеалы и осознанные интенции. Первая из них ориентируется на реставрацию прежней системы в ее известных разновидностях - докоммунистической либо коммунистической. Разумеется, с определенными поправками на время, но лишь с такими, которые не мешают восстановить органичный для нее идеологический и административный контроль над обществом и максимально сузить пространство обретенных им свобод.

Однако, похоже, что последовательный традиционализм сегодня в России не пройдет. Ни в православно-монархической версии Никиты Михалкова, ни в гибридном православно-коммунистическом варианте Геннадия Зюганова. У такого проекта мало шансов обрести легитимность.

Вторая группа элиты, отдавая себе отчет в слабости и незавершенности нынешней модели, дефиците ее модернизационного ресурса, занята поиском некоего синтеза традиционных форм российской государственности с формами европейского государственного национализма, возникших в 1920 - 1930-х годах прошлого века в Германии, Италии, Испании и некоторых других странах. Эту модель можно назвать по определению Гамова Т.К., "авангардистско-традиционистской", предполагающей осуществление модернизации при опоре на традиционные ценности. В отличие от либерального проекта, апеллирующего к индивидуально-личностной культуре и энергии свободного человека, здесь главная ставка делается на идеологически, политически и организационно сплоченное меньшинство с диктатором во главе. На первый план в данной модели выдвигаются не частные цели отдельных людей, реализация которых становится условием совокупных общенациональных достижений, а цели общие, интерпретируемые как необходимая предпосылка индивидуальных успехов и достижений. Понятно, что разработка такого проекта наталкивается на определенные трудности, учитывая атомизацию российского общества, погруженноть людей в частную жизнь и отторжение ими надличных целей и мобилизационных идеологий. Кроме того, данная модель утверждается обычно при наличии леворадикальной угрозы, чего в современной России не наблюдается. Разжигание же подаваемой в патриотической упаковке этнической, антizападной и прочей ксенофобии может найти отклик в определенных сегментах элиты и населения, но для легитимации

откровенно националистического режима этого явно недостаточно. Такая перспектива может открыться только в том случае, если нынешняя политическая модель наглядно выявит свою недееспособность, свое бессилие противостоять стихийной и провоцируемой хаотизации социума. Однако надо отдавать себе ясный отчет и в том, что в информационную эпоху, принципиально отличающуюся от эпохи индустриальной, авангардистско-традиционистский проект очень быстро обнаружит свою несостоятельность.

Третья группа элиты предпочитает журавлю в небе синицу в руке, т. е. ориентируется на сохранение и стабилизацию именно действующей модели. Ее основные особенности - сращенность бизнеса и бюрократии, их относительная автономия от политической власти (при условии невмешательства в ее деятельность), наличие горизонтальных свобод у населения, меньшинство которого интегрировано в систему через теневые каналы при минимизации его вертикальной активности.

Если сравнивать систему, сложившуюся при президенте Путине, с той, что существовала при Ельцине, то можно обнаружить поворот от функционирования по "понятиям" при слабой управляемости к функционированию по "понятиям" при несколько большей степени управляемости. Это проявилось и в отстранении "олигархов" от непосредственного влияния на политику, и в выстраивании "вертикали власти", отодвинувшей руководителей регионов от принятия решений на федеральном уровне, и в установлении контроля над масс-медиа, что практически лишило оппозицию возможности влиять на население, сделав ее саму в значительной степени чисто символической. Но и этот вариант развития лишен, как нам кажется, какой-либо стратегической перспективы, т.к. в его границах принципиально непреодолимо отчуждение власти от общества и имеет место быть скорее имитационно-правовой характер их взаимоотношений.

Проблема русской элиты - в ее повышенной склонности к интернационализации. Японец или китаец, отучившийся в Сорбонне, полностью сохраняет свою локальную идентичность, оставаясь своим для своего исконного социума. Российская же элита состоит из "граждан мира", теряющих связь со своей национальной идентичностью. Здесь можно вспомнить использование французского языка как разговорного дворянской элитой в XVIII – первой половине XIX века и множество других примеров. Такая космополитичность приводила к тому, что представители элиты переставали восприниматься как свои у себя на родине.

Если вся нация возьмется за руки и поплынет через реку, то она утонет. Опираясь на эту метафору, можно сказать, что все классические модернизации, за исключением американской, проходили по одной и той же схеме: сначала реку

переплыvala либеральная элита, которая на другом берегу строила корабль для того, что перевести на этот новый берег остальные массы.

Либерализм всегда предшествует демократии и утверждается лишь постольку, поскольку соединяется с демократией. В России же этого не происходит - наша элита переплывает реку безвозвратно. Поэтому население и воспринимает ее представителей как невозвращенцев. Поэтому же у нас не распространена и практика восточных стран, когда талантливого человека посыпают учиться на

Запад на деньги общины, будучи уверенными, что в дальнейшем он будет помогать ей. Именно из-за того, что элита в России не воспринимается населением как его часть, у нас и воспроизводится из века в век идея "раскулачивания" элиты.

Без преодоления комплекса недоверия к элите текущая модернизация скорее всего будет обречена на провал. Сегодня элита не уезжает из России. Напротив, многие ее представители возвращаются в страну. Но элитная субкультура в настоящий момент отличается от массовой гораздо больше, чем во времена предыдущих модернизаций, а легитимность элиты существенно ниже.

Тем не менее, я полагаю, что пик недоверия к элите и ее изоляции уже пройден. Сейчас элитная и массовая субкультуры не просто параллельно сосуществуют, но и начинают постепенно перемешиваться. Такие знаки помогут преодолеть в общественном сознании предубеждение против элиты, как против людей, которые живут в России лишь для того, чтобы взять отсюда последнее и уехать с этим за границу. Элита начинает вести себя по-другому, по всей видимости, переболев искусством эмиграции. Оказывается, что за границей не так все хорошо. Часть элиты после повального увлечения Западом стала антizападнической.

А.А. Кара - Мурза в монографии "Российская элита: история и современность", справедливо замечает, что "успех российской модернизации зависит не от элиты, которая к ней готова, а от того, как относятся к ней и как ее воспринимают массы". А восприятие масс не в последнюю очередь зависит от поведения власти. До сих пор Путин не заявил, на какие слои населения - модернистские или традиционистские - ориентирована его политика, на кого он намерен опираться. Если власть открыто объявит, что в своих действиях опирается на интересы элиты, в том числе и новой предпринимательской, то она будет обязана предоставить ее представителям гарантии защиты капитала, работать на повышение культурного престижа и легитимности богатства, гарантировать равенство всех субъектов перед законом. Речь идет не о попустительстве власти по отношению к элите, а о внятно заявленном отказе власти попустительствовать традиционистским настроениям и надеждам на очередное раскулачивание.

Негативное отношение российского общества к сформировавшимся в 1990-е годы элитам понятно и оправдано. Все это время они демонстрировали вызывающее антисоциальное поведение, развращавшее общество. Впрочем, у элит не было и альтернативы такому поведению. Ведь в условиях тотальной общественной дезинтеграции лучшие из них представители выстраивали свое дело, свои корпорации во многом за счет попустительства официальных структур – не платя налоги, создавая "черные кассы". Они конструировали такую микросреду, в которой их корпорации могли достаточно успешно работать. На протяжении всех 1990-х годов подобные корпорации оставались основным принципом формирования элит. За 1990-е годы дискредитировала себя и политическая элита. Приход к власти Путина дал обществу надежду на обновление элит. Однако пока получается, что новые из них представители выглядят и ведут себя еще более негативно, чем прежние.

В свое время много говорилось о том, что в 2000 году благодаря широкой поддержке населения перед Путиным открылась возможность формирования контр-элит. Основой его избирательной базы были средние слои общества – не средний класс в традиционном западном его понимании, а некий провинциальный средний слой, соответствующий среднему классу по своим запросам, но не по своему материальному положению и социальному статусу. Базой для формирования новых элит стали остатки традиционного советского среднего класса, которые к концу 1990-х годов стали ощущать недостаток вертикальной мобильности и стремиться к восстановлению своего социального положения.

Эксперимент по формированию новых элит еще не закончен. Пока они не демонстрируют своей адекватности возлагаемым на них запросам и надеждам. В целом этот процесс оказался имитацией.

Значимым является утверждение Л.Г. Бызова, который, пожалуй, впервые заявил о возможности формирования и развития элиты самой элитой: "Сегодня партия власти "Единая Россия", которая была призвана служить механизмом реформирования элит и формирования контрэлит, апеллирует к данному запросу, на практике тормозя его реализацию. Более того, она воспроизводит в новых условиях модель партии элиты 1990-х годов. Надежды 2000 года на усиление вертикальной мобильности и формирование контрэлиты не оправдываются. Обновление элит происходит скорее в декоративном ключе и не всегда самым удачным образом. При сохраняющейся низкой вертикальной мобильности новый режим не в состоянии сформировать качественно новую элиту и найти свою новую социальную опору".

Необходимо заметить, что в настоящий момент элита расколота. Ею утрачено ощущение социальной ответственности, вытесненное эгои-

стическими интересами различных групп. Сейчас в этике российской элиты господствует бандитский элемент. Не потому, что представители элиты – бандиты, а потому, что отношения внутри элит дошли до той степени цинизма, когда общепринято представление: добиться успеха можно только путем всевозможных махинаций и темных дел. Настоящей жизнью признана жизнь "по понятиям". Удручет, что элита дошла до той степени беззастенчивости, при которой ее представители даже не считают нужным ссылаться на какие-то этические нормы. Впрочем, есть и некоторые основания для оптимизма. Уже сегодня в поведении некоторых бизнесменов прослеживается этическая составляющая, позволяющая быть уверенными, что в дальнейшем она будет получать все более и более широкое распространение. Важно иметь в виду и настроения масс, которые, предъявляют спрос на новую мораль, новые ценности, национальную идею. Но массы сегодня слишком пассивны, а элиты этот спрос удовлетворить не способны.

Пассивность масс и агрессивная корыстная активность элиты создает самые благоприятные условия для тоталитаризации (как пишут в западной прессе) власти. Последние парламентские и президентские выборы убедили элиты в том, что все можно решить с помощью pr-технологий и денег, вложенных в ту или иную партию. Не может не беспокоить и то, что сейчас власть выстраивает такую систему, которая позволяет ей жить "по понятиям", формально соблюдая закон. Крайне опасна тенденция восстановления самой отвратительной российской традиции моносубъектности власти, от которой после 1991 года мы имели все возможности избавиться. Именно молчание масс позволяет элитам полагать, что, обладая определенными ресурсами, можно обойти любого человека или социальную группу и даже влиять на позицию президента. По нашему мнению, наблюдая все это, президент рано или поздно начнет все больше склоняться к проведению модернизации традиционным для России насилиственным путем.

Не следует думать, что этот путь предопределен. Русские традиционалисты не устают повторять, что другого нам не дано, но мы полагаем, что на этот раз выбор насилиственной модернизации приведет к гибели российской цивилизации.

Свою идентичность, свою культуру мы сможем сохранить только в либеральной и демократической стране, только с участием масс в ее общественной жизни, только с развитыми институтами гражданского общества.

Если учесть, что элита действует так, как ей удобно, и общество ведет себя соответственно, то почему бы не использовать данную рациональность и меркантильность для изменения состояния нашего общества? Можно много рассуждать, например, об внешнеполитических вызовах на

Дальнем Востоке, о возможной потере там национальной идентичности, но намного продуктивнее будет обсудить ряд законов об обеспечении прав собственности и соблюдении интересов собственников в проектах на сахалинском шельфе, которые могут принести достаточный доход для того, чтобы контролировать ситуацию на Дальнем Востоке и финансировать любые социальные программы. Это простое и абсолютно рациональное решение не требует никаких идеологических теорий.

Власть, как представитель элиты давно не апеллирует к населению, и мы видим в этом две причины.

Первая заключается в накопленной инерции ее отношения к людям. Власть в принципе не видит возможности опереться на народ. Ведь если она сделает ставку на рациональность людей, то они будут поставлены перед необходимостью вести себя соответствующим, рациональным образом, т. е. ходить в суды, отстаивать собственные интересы, объединяться. А господствующие в элите мифы рассказывают о том, что народ на все это не способен, что при попытке на него опе-

реться он обязательно вывернется, что он слишком атомизированный и что социальная ткань полностью разрушена.

Вторая причина связана с тем, что западническая ориентация России во внешней политике лишила президента традиционной поддержки консервативной элиты. Кроме того, начинаящаяся реформа армии потенциально приведет к неустойчивости в этом социальном институте. Поэтому нельзя исключать, что власть просто боится консолидации армейской и традиционной элиты и появления некоего подобия ГКЧП, т. е. государственного переворота. Ведь при всем фарсе ситуации августа 1991 года традиция различных форм волеизъявления национального меньшинства с оружием в руках никуда не исчезла.

Очевидно, обе эти причины будут несущественными, если российская элита будет убеждена в том, что без определенных действий она неизбежно проиграет и утратит свое положение национального лидера. Все зависит исключительно от психологических факторов, от готовности лидера к риску.

Автор статьи:

Давыдов
Виктор Алексеевич
- аспирант каф. философии